

DOI 10.31483/r-106630

Сагитова Виктория Равильевна

МИГРАЦИОННЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНФЛИКТАХ

Аннотация: в главе проведен анализ теорий и операционализация таких понятий, как социальный и миграционные стереотипы, рассмотрено понятие межкультурного взаимодействия, приводящего к формированию миграционных стереотипов, порождающих межкультурные конфликты. Рассмотрена также роль СМИ в формировании межкультурных и миграционных стереотипов.

Ключевые слова: миграционные стереотипы, межкультурная коммуникация, конфликт, средства массовой коммуникации.

Abstract: the chapter analyzes the theories and operationalization of such concepts as social and migration stereotypes, examines the concept of intercultural interaction, leading to the formation of migration stereotypes, which generate intercultural conflicts. The role of mass media in the formation of intercultural and migration stereotypes was also considered.

Keywords: migration stereotypes, intercultural communication, conflict, mass media.

Данная работа посвящена исследованию миграционных стереотипов, лежащих в основе, возникающих межкультурных конфликтов на территории Российской Федерации.

Актуальность исследования обусловлена ростом в мире и на территории России, в частности, числа мигрантов как трудовых, так и вынужденных (беженцев). Их увеличивающиеся потоки нуждаются в ассимиляции, адаптации к культуре принимающей стороны. Россия, являясь многонациональным государством на сегодняшний день не стала исключением среди европейских государств по росту межэтнической напряженности в следствие миграционных процессов. Несмотря на множество проведенных исследований в области изучения «стереотипов», о мигрантах, в частности, можно говорить об иррациональном характере

их возникновения. Не стоит забывать, что стереотип как часть мировоззрения, носитель коллективных представлений, имплицитных знаний, мотивационная составляющая социальных коммуникаций. Другой составляющей данной работы выступает конфликт, причиной которого в рамках межкультурного взаимодействия могут выступать не только объективные причины, но в большинстве преобладают субъективные причины, напрямую или косвенно отражающие стереотипизацию мышления социума.

Так, нередко в установках трудовых мигрантов при въезде в РФ можно наблюдать нежелание принимать устои, традиции, обычаи принимающей страны, что несомненно служит почвой для возникновения межкультурных конфликтов.

Межкультурный конфликт на бытовом уровне может быть нивелирован при условии, что этот процесс не приобретет широкую негативную окраску в средствах массовой информации. В этой связи острой становится проблема профессиональной ответственности и информационной объективности. Медиа, обладая средствами создания и разрушения стереотипов о мигрантах, могут стать той единственной ниточкой, которая возможно могла бы во многих случаях помочь в разрешении межкультурных конфликтов.

Возникновение подлинно научного интереса к проблеме социальных стереотипов произошло в начале XX века в области журналистики и было представлено работами У. Липпмана.

Исследования социальных стереотипов, включающих в себя межкультурные стереотипы в зарубежной науке представлены несколькими подходами.

В психоаналитическом контексте стереотипы рассматривались в трудах Г.У. Олпорта [126], Т. Адорно, Е. Френкель-Брюсвика, Д. Левинсона и Р. Сэнфорда и других [121]. Символично-интеракционистское, представлено трудами Т. Шибутани, где стереотип рассматривается как тождественный установке феномен, позволяющий классифицировать людей и явления (Б.К. Дэвис и С.Дж. Бэран [128]). Продолжая тему категоризации с помощью стереотипов, можно применить их к аут- и ингруппам в рамках когнитивного подхода

(Г. Тэджфел, Д. Тейлор, С.Т. Фиске, Т.К. Трейлер, Д.М. Маки, Д.Л. Гамильтон [129]). В рамках теории символического расизма в рамках «ориентализма» стоит остановиться на работах Э. Саида [139], С. Холла [131], М.К. Оке [135]. Вопрос инаковизации поднят в трудах ученых в формате репрезентации «Своих» и «Чужих» (М. Пикеринг [136]).

В отечественных трудах следует упомянуть труды наиболее известных в этой области ученых: социологический аспект социальных конфликтов представлен в трудах И.С. Кона, Г.С. Батыгин [6], Л.А. Зака [33], К.С. Гаджиева [16], Ю.А. Шерковина [108], Г.М. Кондратенко [44], Г.У. Солдатовой [92]. Психологическую сторону стереотипов представляют труды В.А. Ядова [120], Р.С. Немова, В.Г. Крысько и Э.А. Саракуева, Г.У. Кцоева, В.С. Агеева [1], В.Ф. Петренко, П.Н. Шихирева [110], Т.Г. Стефаненко, Н.А. Рождественской, В.Е. Куницыной [9]; С.Г. Тер-Минасова, С.В. Иванова подходили к исследованию стереотипов как специалисты в сфере межкультурной коммуникации; этнопсихолингвистическое направление представлено работами Е. Бартминьского, В.В. Красных и др. [15].

Автором данная тема рассматривалась в целях выявления наличия миграционных стереотипов в межкультурных конфликтах.

В ходе поэтапной реализации исследования по указанной тематике было:

- 1) теоретически обоснованы основы социальных стереотипов, существующие классификации, операционализированы основные понятия по теме исследования;
- 2) рассмотрены функции, механизмы возникновения и инструменты формирования и разрушения стереотипов;
- 3) проанализированы миграционные стереотипы, имеющиеся как у мигрантов, так и у принимающей стороны (местного населения);
- 4) рассмотрены разновидности миграционных стереотипов в массмедиа, с целью определения степени влияния СМИ на формирование стереотипов в межкультурных коммуникациях;

5) проанализирована представленность миграционных стереотипов межкультурных конфликтов в СМИ.

В качестве гипотезы исследования, послужившей раскрытию темы монографии, послужило предположение о том, что миграционные стереотипы в межкультурных конфликтах находятся под влиянием средств массовой информации, могут быть ими созданы и разрушены.

Теоретико-методологическая база исследования послужили такие методы как:

– историко-генетический метод в части описания феноменов «стереотип» и «межкультурный конфликт»;

– системный подход в рамках выстраивания общей картины межкультурных отношений, порождаемых стереотипами о мигрантах и приводящих к межкультурным конфликтам;

– общенаучные методы, применение которых обусловило логику изложения материала данной работы.

Результатом данного исследования стала систематизация теоретических представлений о стереотипах и межкультурных конфликтах, месте, отводимом СМИ в процессе формирования стереотипов в межкультурных конфликтах.

Теоретическая часть исследования позволяет использовать классификацию, понятия стереотипов и конфликтов, прежде всего, конфликтологам, психологам, регионоведам с целью преодоления конфликтных ситуаций и помощи в поиске и предотвращению развития отрицательных стереотипов в межкультурном взаимодействии. Полученные результаты применимы в работе медиаторов, практических психологов при проведении индивидуальных и групповых консультаций для решения конфликтологических вопросов в рамках межкультурного взаимодействия.

Часть I. Стереотипы и их роль в межкультурной коммуникации

1.1. Сущность социального стереотипа.

Процесс коммуникации большинством людей строится исходя из личного опыта, включая устный обмен информацией в ближайшем окружении и разрозненный обмен информацией, формируемой в СМИ.

Именно данного типа условия становятся базой большинства предвзятых представлений, нередко определяемых как стереотип восприятия или социальный стереотип.

На этот счет существует несколько определений данного понятия. Так, «Современная энциклопедия», «Философская энциклопедия», «Большой энциклопедический словарь» определяют социальный стереотип одинаково как «схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие большой устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта; составная часть установки. Нередко синоним устаревших и предвзятых представлений, связанных с предрассудками» [97].

Иное определение дано в психологическом ракурсе: «Стереотип социальный [греч. stereos – твердый typos – отпечаток] – относительно устойчивый и упрощенный образ социального объекта (группы, человека, события, явления и т. п.), складывающийся в условиях дефицита информации как результат обобщения личного опыта индивида и нередко предвзятых представлений, принятых в обществе» [96].

Анализируя эти два определения, можно говорить о том, что социальный стереотип – это, безусловно некий устойчивый, упрощенный стандартизированный образ, отражающий привычное восприятие человеком явления, события, группы, который эмоционально окрашен и складывается под влиянием социальных условий, опыта и недостаточной информации.

В зарубежной науке впервые термин «социальный стереотип» был введен американским журналистом и политологом У. Липпманом в 1922 в книге «Общественное мнение» [54]. По его мнению, стереотип содержит в себе оценку, выраженную в чувствах. По его мнению, стереотипы возникают спонтанно, в

силу потребности человека в экономии внимания. Стереотип делит мир на две противоположные категории – знакомое и незнакомое. Они заряжены эмоционально и отражаются в сознании человека как хорошее и плохое соответственно.

Стереотипы по У. Липпману – это предвзятые мнения, управляющие процессом восприятия «среднего обывателя». Отсюда следует, что обыватели не могут критически оценивать информацию и мыслят стереотипами, а общественное мнение ограничено.

В психоаналитическом направлении стереотип представлен в работах Г.У. Олпорта. Он рассматривает стереотип с позиций авторитарности, в частности, в русле теории «авторитарной личности» стереотип понимается как «приспособление для удобного видения» мира [126, р. 187], искажающего реальную действительность ложностью и предвзятостью (предрассудком).

Он считал, что стереотип не соответствует действительности, но при этом рационализирует поведение в конкретном культурном контексте. Г.У. Олпорт предлагал трактовать стереотип как когнитивный элемент специфической социальной установки – этнического предрассудка, состоящего из двух элементов – установки симпатии и антипатии, регулируемые системой убеждений. Стереотип помогает закреплению предшествующих суждений и предрассудков и утверждения существующего status quo в межгрупповых взаимоотношениях. Стереотип может играть роль оправдательного механизма для одобрения и порицания какой-либо группы или механизма селекции информации [125, р. 192].

В этом же направлении работал и Т. Адорно, видевших в качестве источника стереотипов неосознаваемое и иррациональное. По его мнению, стереотип необходим для «удобного видения вещей», он устойчив к изменениям, позволяет экономить время и энергию, но при этом искажает восприятие так как игнорирует индивидуальные характеристики объектов [121; 122]. Согласно Т. Адорно и его коллегам Е. Френкель-Брюсвику, Д. Левинсону и Р. Сэнфорду стереотипы характерны только для личностей с авторитарным складом, нетерпимых и с отсутствием толерантности.

Другим направлением исследования стереотипа выступает символично-интеракционистское, представленное трудами Т. Шибутани. Она рассматривает стереотип помогает классифицировать людей по какому-либо признаку, наиболее распространённому среди людей [109]. Стереотип, по ее мнению, совпадает с установкой.

Продолжая тематику категоризации людей и явлений, в трудах Б.К. Дэвиса и С.Дж. Бэрна, стереотип предстает в качестве простых дефиниций, согласующихся с шаблонами [128].

В рамках когнитивного подхода в социологии исследование стереотипов проводилось в трудах Г. Тэджфела, видевшего стереотип как функцию взаимодействия между «Я» и «Другим», позволяющего категоризировать людей и на основании этого проводить дискриминацию аутгрупп. Изменить стереотип возможно только при изменении межгрупповых отношений [129, р. 383]. Мотивом стереотипизации выступает стремление к позитивной социальной идентичности, путем сравнения себя и своей группы с представителями аутгрупп.

Это сравнение приводит к состоянию конфликта, поскольку аутгруппам присваиваются негативные атрибутивные качества, а ингруппам априори позитивные. При этом отношения между группами должны восприниматься как нелегитимные. Если же они носят характер легитимных, конфликта возможно избежать (например, если гендерная иерархия воспринимается как норма, то это позволяет достичь позитивной социальной идентичности вне конфликта).

Д. Тейлор, С.Т. Фиске, Т.К. Трейлер, Д.М. Маки, Д.Л. Гамильтон и другие продолжая развивать данное направление утверждали, что человек вынужден прибегать к стереотипам, как содержащим достаточную информацию в рамках удовлетворения потребности личности в создании представлений, приемлемых в физическом и социальном окружении, в качестве проекции собственных ценностей. И тогда, стереотип переходит из разряда иррационального в рациональное, носящее характер избирательности. В таком случае допускается возможность ошибок в стереотипах, поскольку изначально процесс познания несовершенен [85].

В теории символического расизма стереотип представлен как конфликт между культурными образцами, характерными для общества и индивидуальными убеждениями, являющимися предметом самоконтроля [129, р. 371–381].

Это отражено в работах Э. Саида [139] как проблема роли расовых стереотипов (стереотипных образов). В рамках теории «ориентализма» существует «ориенталистское» мировоззрение или ориенталистский образ мышления, а также определенная ориенталистская методология в социальных и гуманитарных науках. Суть ее состоит в том, что на Западе происходит искажение любой незападной культуры, в частности, культуры «Востока» (Ориент) для самоидентификации в Европе [138]. Это хорошо прослеживается в работе С. Холла «Запад и Все Остальное» (The West and the Rest) [131], где «все остальное» представляется как неизменное «Иное».

Э. Саид, вывел, такую аксиому: «Восточный человек живет на «Востоке», он ведет праздную «восточную» жизнь в государстве «восточной» деспотии и похоти, отягощенный чувством «восточного» фатализма» [38].

Шаблоны и клише «ориентализма» можно подразделить на две категории: «ксенофобские» (негативно-пугающие) отражают характеристики «чужого» (демонизация восточного мужчины, истории о гаремах) и «ксенофильские» (притягательные) в своей основе рассматривают «экзотические, притягательные» характеристики другого [32]. Мим Кемал Оке утверждает, что, введя разделение на «чужой» (или «чужие») Запад потерял объективность в изучении культуры, мировоззрения, обычаев, ценностей «восточных» народов и обществ [135].

Инаковизация затрагивает дискурс «символического насилия», предполагающего борьбу за репрезентации «Своих» и «Чужих» и манипуляцию ими в социальном пространстве. Основная цель такой борьбы символическая власть и символический капитал [12; 127].

М. Пикеринг продолжает рассматривать «инаковость» как знак «не-принадлежности», отмечая, что стереотип проводит жесткую грань между «Своими» и «Чужими» [136], их характеристиками [83].

Введенное понятие С. Холлом «стереотипический дуализм» предполагает: «расщепление» стереотипа на два противоположных элемента» [131, р. 308]; образ «Иного» всегда амбивалентен, и «хороший» и «плохой» стереотипы взаимосвязаны. Принципиальным является то, что оба элемента конструируют «другого» в своих интересах» [136, р. 40].

Как отмечал М. Пикеринг у второй стороны нет права иметь собственный голос и быть самим собой, она может говорить только господствующим дискурсом – это есть центральный момент стереотипизации [136, р.14].

Д. Кац и К.У. Брейли представляют недостоверное фиксированное суждение относительно каких-либо фактов как стереотип. Особый акцент делают на этнических стереотипах [132].

В отечественной науке исследованием стереотипов занимались такие ученые разных дисциплин как: В.А. Ядов [120], Р.С. Немов, В.Г. Крысько и Э.А. Саракуев, Г.У. Кцоев, В.С. Агеев [1], В.Ф. Петренко, П.Н. Шихирев [110], Т.Г. Стефаненко, Н.А. Рождественская, В.Е. Куницына [9]; социологи И.С. Кон, Г.С. Батыгин [6], Л.А. Зак [34], К.С. Гаджиев [16], Ю.А. Шерковин [108], Г. М. Кондратенко [44], Г.У. Солдатова специалисты в сфере межкультурной коммуникации (С.Г. Тер-Минасова, С.В. Иванова), этнопсихолингвисты (Е. Бартминьский, В.В. Красных) и др. [15, с. 82]. Рассмотрим их позиции по данному вопросу более подробно.

В.А. Ядов считал, что стереотип надо исследовать в совокупности социального, аффективного и когнитивного аспектов. Он видит его как разновидность социальной установки, имеющей чувственную окраску. Стереотипу присущ аффективный компонент. В содержании он имеет схематичное и генерализованное восприятие фрагментов социальной действительности [123].

По мнению И.С. Кона, стереотипизация явления приводит к механическому сведению его под простую общую формулу, характеризующую все подобные явления. Для обыденного сознания присутствие стереотипов неизбежно. Стереотип аккумулирует некий стандартизованный коллективный опыт и тем самым регулирует поведение индивида. Стереотип может быть истинным или ложным,

вызывать как положительные, так и отрицательные эмоции, тем самым выражая установку социальной группы к определенному явлению [43].

А.С. Романов видит стереотип как «упрощенное, ригидное к новой информации, культурно детерминированное и эмоционально окрашенное представление о каком-либо фрагменте социальной реальности (предмете, явлении, ситуации), живущее как в индивидуальном сознании, так и сознании целых социальных групп» [80, с. 46.].

В рамках данной позиции мыслит стереотип и Д.В. Ольшанский, представляя его в рамках социально-политических отношений: «Стереотип – стандартизированный, схематизированный, упрощенный, обычно эмоционально окрашенный образ какого-либо социально-политического объекта (явления, процесса), обладающий значительной устойчивостью, но фиксирующий лишь некоторые, в том числе и несущественные его черты» [89, с. 87].

В определении Р.С. Немова стереотип предстает как социально-психологическое явление, искаженное, неточное, иррациональное [66, с. 240].

В.Г. Крысько и Э.А. Саракуев видят стереотип как сокращенное, упрощенное ценностно-окрашенное представление о реальности, имеющееся в социальном сознании [47]. В этом направлении мыслит стереотип и С.А. Феофанов [102] и Е. Егорова-Гантман, К. Плешаков [28].

Л.А. Зак рассматривал дипломатические стереотипы и утверждал, что их комплекс оказывает непосредственное влияние на выработку внешнеполитических доктрин, стратегий и тактик. Но при этом он оказывает обратное воздействие на дипломатические стереотипы отдельных стран [33, с. 92].

Л.А. Зак выделил два вида стереотипов:

- 1) подлинные стереотипы – подлинное представление правительства страны А о политике страны Б;
- 2) мнимые стереотипы – это представление, которое будто бы сложилось на основании публичных и дипломатических заявлений у правительства страны А о политике страны Б.

Эти виды стереотипов могут как совпадать, так и расходиться частично или полностью. Для создания и поддержания стереотипов используются СМИ [57].

В.С. Агеев, Т.В. Бобрышева в исследовании стереотипа с психологических позиций большое внимание уделяли роли стереотипов в восприятии социальной информации как конкретным индивидом, так и малой социальной группой [1; 8].

Н.М. Галитарова, В.М. Герасимова, М.К. Горшков, Б.А. Грушин, С.В. Ермаков, Р.И. Попрядухина проявляли интерес к проблеме формирования и модификации стереотипов посредством формирования общественного мнения.

Б.А. Грушин утверждал, что «в массовом сознании превалирует эмоциональная, а не интеллектуальная сторона, в нем чаще, чем где бы то ни было, действуют «темные», иррациональные импульсы, разного рода предубеждения и предрассудки, навязанные извне стереотипы» [19].

Ю.С. Метелкина к видам стереотипов относит традиции, нормы, предрассудки и эвристики. Информационную основу стереотипа составляет недостаток или избыточность информации – параметры, регулируемые средствами массовой информации. Основная цель поддержать уже сформированный стереотип.

В политической сфере стереотипы выполняют функцию фактического или номинального подтверждения легитимности политических сил. Продуманное использование стереотипов позволяет формировать автоматическое, стереотипное поведение социальных субъектов [62].

Рассматривая социальный стереотип как научный феномен можно сказать, что он включает в себя три компонента: когнитивный, эмоциональный, иногда его называют аффективный и поведенческий.

Когнитивный компонент исходя из выше приведенных определений напрямую представлен умозаключениями, рассуждениями, суждениями и т. п.

Эмоциональный компонент (он же оценочный компонент) стереотипа в трудах Г.С. Мельника рассматривается как установка, выражающая чувства личности, ее ценности. Сопрягается с групповыми чувствами и действиями [60]. Доминирование разных составляющих стереотипов зависит от ситуации их проявления.

О.Ю. Семендяева выделяют два компонента в стереотипах:

1) когнитивный образ, обеспечивающий предрасположенность индивида к восприятию массовой информации;

2) инструментально-практическая установка, задающая внутреннюю готовность к действиям на основе контекстного оценивания информации [86].

По видам стереотипы можно разделить на полные и неполные (Н.П. Кириллов [42]). К полным относят те, что «содержат рациональный компонент, эмоциональный компонент и компонент движений и действий», а к неполным – стереотипы, основанные на одном из компонентов (мыслительном, эмоциональном, моторном) [62].

Классификация стереотипов представлена несколькими основаниями:

I. По субъекту стереотипизации или по-другому по носителю стереотипа можно выделить: индивидуальные и коллективные;

К коллективным стереотипам в американской социальной науке относятся «культурные стереотипы» [65], в отечественной – «социальные стереотипы» [86] или «массовые стереотипы» [36].

II. По объекту стереотипизации выделяют несколько типологий:

1. Типология, закладывающая в основу объекты стереотипизации – предметы, явления, события действительности. Так, например, П.Н. Донец придерживаясь этой позиции классифицирует стереотипы на личностные и вещественные, событийные (например, (11-е сентября 2001 года – исламский терроризм), странам (Америка – свобода, военная мощь, демократия; Бразилия – солнце, пляж, преступность)), вещам (шапка-ушанка – холод, Россия) [56, с. 26];

2. Н.В. Соколова [93, с. 124] предложила свою классификацию по основанию типологизации «объект» (рис. 1):

Рис. 1. Типология стереотипов по объекту стереотипизации

3. «В зависимости от стереотипизируемой социальной группы выделяют гендерные, возрастные, профессиональные, расовые, этнические / национальные, конфессиональные / религиозные, региональные, классовые, политические стереотипы и т. д.» [93, с. 125].

III. По принадлежности субъекта стереотипизации к объекту, т.е. к определенной социальной группе или по-другому, классификация по признаку «свой» / «чужой»:

1. Автостереотип (эндостереотип)- образ, представление группы о самой себе;

2. Гетеростереотип (экзостереотип) – представление конкретной группы о других (чужих) группах;

3. Метастереотипы (введено С.А. Зигельман и Л. Тач) обозначают «представления человека о стереотипах другой группы относительно своей» [65, с 218].

По соотношению «реальный / предполагаемый» эти стереотипы подразделяют на прямые и переносные;

4. По степени типичности приписываемых характеристик выделяют: «стереотип» и «контрстереотип» – отражает этнические стереотипы, в частности, он построен на характеристиках, присущих «не-типичным» представителям этнической группы [92, С. 71].

IV. По содержанию аффективного компонента стереотипа можно выделить:

1) позитивные и негативные;

2) отрицающие (агрессивное содержание) и утверждающие (безобидное содержание) [137, Р.46].

Данного рода стереотипы могут иметь единую когнитивную составляющую и подразумевают одну и ту же черту, только в разных интерпретациях, например: немцы – скупые /экономные, при этом аффективный компонент отличается. Г.У. Солдатова назвала подобные пары атрибуциями-оборотнями [98]. В диахронической плоскости стереотипы с неизменной когнитивной частью могут менять аффективную оценку с положительной на отрицательную и наоборот, за счет политической ситуации или смены межнациональных отношений (образ русского претерпел изменения в отношении, а не в чертах характера русских. Черта прямолинейности, представленная в трудах Г. Олпорта [74, С. 94–97; 100] и А.В. Павловой [74, С. 102] рассматриваемая первоначально в позитивном ключе, на сегодняшний день приобрела негативный окрас и представлена как примитивность в характере русских.

V. По интенсивности эмоционального заряда

- 1) интенсивные;
- 2) медиальные (средние) (И.П. Донец [56]).

VI. По соотношению компонентов структуры (Ю.С. Метёлкина [63]). Она строит свою классификацию в зависимости от соотношения в стереотипе рационального (когнитивного), эмоционального (аффективного), моторного (поведенческого) компонентов. От доминирующего компонента зависит вид стереотипа:

1) предрассудок – доминирует негативный эмоциональный компонент, от которого зависит моторный компонент. Рациональный компонент может противоречить эмоциональному;

2) эвристика – доминантен рациональный компонент, а эмоциональный его дополнение. Их сочетание определяет моторный компонент (Пример: «Все так поступают, потому что это разумно и правильно» [62, с. 51];

3) нормы – доминантным является эмоциональный компонент определяющий два других компонента – Если это неправильно/некрасиво и т. п., то это неразумно и никто так не поступает;

4) традиции ведущим имеют моторный компонент, определяющий все остальные компоненты [62, с. 51–52].

VII. По механизму формирования:

1) дедуктивные стереотипы представляют собой готовый образ, усваиваемый каждым без исключения носителем культуры;

2) индуктивные стереотипы появляются при непосредственном контакте с представителем иной культуры [29, с. 162]. Опасность данного вида стереотипа в том, что общение обычно ограничено несколькими представителями и формирует иллюзию знания чужой культуры, на основании которой и строятся выводы.

VIII. По условиям формирования

1) интенциональные стереотипы конструируются целенаправленно в политической или коммерческой сферах с целью создания имиджа или образа врага;

2) спонтанные стереотипы не подвержены влиянию каких-либо интересов извне [56].

IX. По объему влияния на общественное сознание и социальное бессознательное стереотипы делятся на:

Стереотипы высокого уровня:

- 1) стереотипы картины мира;
- 2) мировоззренческие стереотипы;
- 3) стереотипы мышления.

Каждый предшествующий влияет на последующий

К низкому уровню стереотипов, сопоставимых с поведенческими стереотипами принадлежат:

- 1) методологические;
- 2) методические;
- 3) технологические стереотипы [78].

X. По степени изменчивости:

- 1) застывшие, гибкие [137, с. 46];
- 2) устойчивые, подвижные [18, с. 13];
- 3) глубинные, поверхностные [74, с. 94–97].

XI. По степени необходимости в обыденной жизни:

- 1) необходимые;
- 2) деструктивные [137, с. 46].

XII. По степени адекватности отражения действительности:

- 1) точные, неточные;
- 2) истинные, ложные – истинные стереотипы облегчают ориентировку в ситуации коммуникации, но они могут переведены из истинных в ложные [95, с. 29; 93, 136].

Иную классификацию предлагает В.В. Красных, выделяя две группы стереотипов:

- 1) стереотипы поведения, представленные в сознании человека в виде штампов сознания, осознаваемых в формате канонов поведения и инвариантов деятельности. Они определяют коммуникативное поведение. Выполняют прескриптивную функцию;

- 2) вторая группа представлена стереотипами-представлениями – некими эталонами и связаны с речевым поведением. Функция данной группы – предикативная [46].

Все этнокультурные стереотипы О.Г. Орловой поделены на автостереотипы и гетеростереотипы.

Автостереотипы – представления людей о себе, воспринимаемые как норма, которой необходимо следовать. Гетеростереотипы – представления людей о другом народе, носящие более критичный характер, некое отклонение от стандарта [68, с. 36; 31].

По У. Липпману формирование стереотипа проходит 3 этапа – 1 – «выравнивание» 2 – усиление 3 – ассимиляция [54]. Сначала объект по разным характеристикам, сводится в описании к простым признакам, затем им придается некая значимость и происходит отбор «усиленных, выровненных» признаков для формирования целостного образа.

Г. Тэжфел выделил четыре функции стереотипов, две из которых реализуются на индивидуальном уровне, две – на групповом.

Индивидуальный уровень:

- 1) когнитивная (отбор социальной информации, схематизация, упрощение);
- 2) ценностно-защитная (создание и сохранение положительного «Я-образа»).

Социальный уровень:

- 3) идеологизирующая (формирование и сохранение групповой идеологии, объясняющей и оправдывающей поведение группы);
- 4) идентифицирующая (создание и сохранение группового «Мы-образа»).

К. Мак Гарти, В.Й. Изебит и Р. Спирс видят три принципа стереотипизации:

- 1) адаптация перцептора в новой ситуации, т.е. объяснение социальных явлений и процессов;
- 2) экономия усилий познающего субъекта – стереотип видится как энерго-сберегающий механизм;
- 3) принцип соответствия общепринятым взглядам и нормам социальной группы, представителем которой выступает перцептор – т.е. стереотипы – суждения, разделяемые группой [134, Р.7].

Воздействие на стереотипы возможно по мнению О.Ю. Семендяевой, посредством изменения материальных и духовных потребностей личности, социальных групп и общества в целом [87].

1.2. Миграционные стереотипы в коммуникациях

С конца XX века миграционный вопрос становится одним из основных вопросов в разных направлениях развития научной и политической мысли. Решением данных вопросов на сегодняшний день занимаются в разной степени все страны мира. Нередко прошлое столетие именуется как «эра миграции».

Миграция предстает как один из важных факторов демографических, социальных, культурных и иных изменений в разных сферах жизнедеятельности общества. В последнее время миграционные процессы стали носить глобальный характер и затрагивать в равной степени все слои общества.

Опираясь на вышеизложенное понимание стереотипов в данном параграфе, будут рассмотрены стереотипы, имеющие отношение к тематике данной работы,

в частности – гендерные стереотипы в рамках миграционных процессов, этнические стереотипы в межкультурных коммуникациях.

Обращаясь к стереотипам в межкультурной коммуникации, следует отметить, что в качестве основных функций стереотипов в межкультурных коммуникациях можно перечислить следующие:

- передача относительно достоверной информации вытекает из того, что стереотипы формируются из наблюдений за реальной жизнью представителей других культур;

- ориентирующая функция предполагает разграничение социального окружения на более понятные и близкие по моделям поведения группы;

- влияние на создание реальности – стереотипы помогают посредством создания образа как чужой, так и собственной культуры защитить традиции, взгляды, ценности своей культурной группы. Они помогают задать границы реальности.

Рассматривая пользу и вред, наносимый стереотипами в коммуникации, следует отметить, что – стереотип будет полезен в случаях если:

- он отражает групповые нормы, ценности, признаки культурной группы, а не отдельного представителя;

- адекватно отражает реальные и объективные качества;

- исходит из опыта ситуации реального общения с представителями другой группы;

- учитывается то, что стереотип это просто «догадка» о группе, а не прямая информация о ней, воспринимаемая как руководство к действию.

Стереотип будет помехой коммуникации в случаях, когда:

- мешают выявлению индивидуальных особенностей людей;

- повторяют и усиливают ошибочные представления о представителях другой группы, доводя их до аксиомы;

- стереотипы построены на полуправде и искажениях, что приводит к ложности в коммуникативном процессе [104, с. 84].

По одной из классификаций стереотипы в обыденной жизни могут быть представлены предрассудками – «предвзятое или враждебное отношение к представителям этнических групп, их культурам и к любым фактам их деятельности и поведения» [104, с. 86].

Основным отличительным признаком будет выступать аффективный компонент – стереотип являясь обобщенным образом представителей другой культуры может иметь позитивный окрас, а предрассудок основан на приписывании им негативных качеств. Изменению предрассудков способствует одинаковый статус людей.

Изучение стереотипов в межкультурных коммуникациях показало, что они всегда национальны. И проявляют себя, в темах бесед (что можно говорить, что нельзя), отношении ко времени, поведению в общественных местах и многом другом [107].

Возможность выбора в коммуникациях сужается при использовании стереотипов, особенно, при освещении этнических конфликтов.

В зависимости от статуса и целей мигрантов «(вынужденный переселенец, беженец, родственник, желающий воссоединиться с семьей, трудовой мигрант и пр.) и создавшейся экстремальной ситуации (кризис, война, природные катастрофы) стереотипы ин- и аут-групп заметно меняются» [23].

Стереотипы подобно вопросу этнического самоопределения затрагивают вопросы этнической идентичности.

Так, например, при изучении стереотипов беженцев от чеченских войн и югоосетинских столкновений, оказалось, что русские, проживающие в Грозном имеют негативные стереотипы по отношению к этническим группам, проживающим на его территории, а осетины приехавшие в Северную Осетию-Аланию из Грузии, менее негативно настроены по отношению к грузинам.

У русских вынужденных переселенцев, также образ собственной этнической группы был более негативен, по сравнению с автостереотипами других этнических групп, что снизило стремление к позитивной этнической идентичности. В образе чеченца негативные, русскими назывались такие характеристики:

«Агрессивный», «Вспыльчивый», «Упрямый», «Хитрый», «Высокомерный» переплетались с позитивными – «Гордый», «Настойчивый», «Активный». При оценке русскими беженцами «русских-москвичей» стереотипы имели, чуть более низкий негативный заряд, чем образ чеченца вследствие неадекватно завышенных требований к окружающим и разочарований от общения с жителями столицы. Они выражались словами: «вспыльчивые», «упрямые», «высокомерные», «осторожные», «жадные» [141].

Проведенное исследование И.Б. Бритвиной в отношении наличия гендерных стереотипов у вынужденных мигрантов из стран СНГ и Балтии, позволило говорить о том, что женщины, имеют по отношению к вытесняющим стереотипы, основанные на переживании страха за свою семью и существование других членов семьи, окружающие – это враждебно настроенные, создающие угрозу люди.

Мужчины по отношению к вытесняющей общности в качестве стереотипов пользуются теми, что отражают негативные характеристик условий и уровня оплаты труда.

В отношении принимающей стороны женщины ожидают улучшения условий жизнедеятельности всех членов семьи, а мужчины восстановления уровня оплаты труда и соответствие новой работы, имеющейся специальности.

Со стороны принимающих выделяются недоверие во взаимодействии «женщина-россиянка – мужчина мигрант», отсутствует сочувствие и желание помочь. Во взаимодействии по типу «женщина россиянка – женщина-мигрант» присутствует доверие и солидарность. Мужчины-россияне также проявляют недоверие к мужчинам-мигрантам и безразличие к женщинам-мигрантам [11, с. 11–12].

В ходе межкультурного взаимодействия при обозначении этнической принадлежности объекта стереотипизации содержание гендерных стереотипов корректируется. Гендерные стереотипы выполняют не только психологические функции (когнитивного характера и сохранение положительного «Я»-образа), но и социальные функции, позволяющие осуществлять социального контроль и поддерживать социальный порядок [84].

Социально-этнические стереотипы в выражении «свой» / «чужой» построены на этнической дистанции и наделении «своей» группы положительными характеристиками в отличие от группы «чужих». В России на современном этапе доминирующим является стереотип среднеазиата, кавказца, и несущественным – стереотип, к примеру, украинца. Хотя, в последнее время он преобразуется в стереотип бандеровца применительно к жителям западных областей Украины [23]. Комплекс превосходства, присущий многим коренным жителям, сопровождается ростом неприязни по отношению к мигрантам.

Гендерные стереотипы проявляются себя в проблеме «свой» / «чужой» на базе коллективной идентичности, выраженной в понятиях маскулинность и феминность [82]. Особенно ярко они были выражены в пропаганде периода «холодной войны» между Америкой и СССР. При этом, традиционное культурное пространство России по мнению ученых, находится на стыке как Запада, так и Востока. В межкультурном дискурсе выражена гендерная метафоризация в направлении «ориентализма». Турецкий социолог Энес Эргене в своей монографии посвященной проблеме методологии изучения мусульманских общин в современной науке отмечает, что большинство произведений средневековых европейских путешественников об исламском мире было результатом бурной фантазии и откровенной лжи. В этих произведениях мусульмане предстают как «развратники», «язычники», «варвары», «обманщики». Даже сильная в политическом отношении власть мусульманских правителей и династий связывалась с их «сексуальной силой» [130, р. 140–143, 118]. В настоящее время отношения между западным человеком и Востоком сексуализированы и гендеризированы: восток представлен в метафоре женственности, «сексуальным обещанием, приглашением к проникновению и оплодотворению» [133, с. 5].

Россия с позиции Запада и самой России, по мнению О.В. Рябова также предстает в концепте «Матушка Русь» [81], спасительница Запада и всего человечества (аутофеминность) [82, с. 179]. России «инкриминируются» те качества, которые можно устойчиво назвать феминными: «хаос, непредсказуемость, неспособность к самоконтролю, экстремизм, иррационализм, излишняя

покорность, излишнее терпение, слабость воли, неумеренность: доброта и милосердие» [81]. Данная тенденция хорошо отражена в исследовании, проведенном Emory Bogardus. Начиная с 1926 года по «Шкале социальной дистанции» по 1977 год (на протяжении 50 лет) были проведены опросы студентов о желании контактировать с людьми разных социальных групп, в частности, этнических. В результате данных опросов «русские (для американцев – выходцы из России/СССР/б. СССР) опустились с 13-го места (1926 и 1946 гг.) на 24–29-ые места в годы холодной войны» [117], что можно рассматривать как эффект «стереотипизации».

В исследованиях, проведенных в Пермском крае с 2008 года по 2017 год, наблюдается увеличение притока мигрантов, объединяющихся в этнические диаспоры. Неготовность принимающего населения и завышенные ожидания мигрантов приводят к формированию «образа врага» [58, с. 271–272] в отношении представителей этнических диаспор.

В крупных городах вопрос этнических диаспор оказался «многослойным», поскольку, например, в Санкт-Петербурге, в частности азербайджанская диаспора, «состоит из различных социальных сред, которые относительно замкнуты и слабо взаимодействуют между собой. Обнаружились жесткие границы между по крайней мере двумя сообществами» [75, с. 169]. Для хорошо интегрированных азербайджанцев этничность – это хобби, либо профессия.

М.С. Каменских в статье «Мигранты и стереотипы о мигрантах в общественном пространстве российского мегаполиса» провел исследование «двух ключевых стереотипов – о численности мигрантов и о роли мигрантов в экономике» [41, с. 318] в 12 районах города Пермь, в котором приняло участие 300 респондентов: 130 мужчин и 170 женщин. Было выяснено, что мигрантам свойственно завышать численность в собственном восприятии примерно в 10 раз в сравнении с официальными данными переписи населения. Эти данные транслируются представителями диаспор в СМИ, что влияет на восприятие миграции и ее масштабов.

Как оказалось из опроса, говоря о миграции и мигрантах большинство опрошенных с ними не сталкивалось, что говорит об абстрактном образе, сформированном у респондентов, оторванном от реальной жизни.

О влиянии мигрантов на экономическую среду также сложно рассуждать, поскольку, их количественный учет возможен только среди тех мигрантов, которые встали на миграционный учет [41, с. 318.]. По мнению, М.С. Каменских, если бы от мигрантов действительно зависела экономика региона, то позиция местного населения к ним была бы более негативной [40].

При этом для большинства мигрантов из постсоветских стран Центральной Азии под влиянием тяжелых условий труда и низкой его оплаты растут исламистские настроения [39], что в конечном итоге привело стереотипному отношению к проблеме миграции и самим мигрантам:

- внешняя миграция – способствует ухудшению социально-экономической ситуации, увеличивает нагрузку на бюджет, снижает возможность приобретения продуктов, потребительских товаров, обостряют конкуренцию в сфере жилья и работы (наблюдается рост мигрантофобии [79, с. 156–174]);

- вносят значительный вклад в рост преступности;

- дестабилизируют политическую ситуацию, поскольку обостряется недовольство коренных жителей, что провоцирует конфликты.

- власти обязаны принимать запретительные и репрессивные меры, препятствующие въезду новых мигрантов [17], поскольку населением мигранты воспринимаются как претендующие на постоянное место жительства [67].

Подводя итоги вышеизложенным положениям, можно говорить, что в процессе стереотипизации, индивидам приписываются характеристики на основании их групповой принадлежности, а стереотип есть набор представлений о характеристиках (атрибутах) группы людей.

В отечественной социологической мысли данная интерпретация выступает основной.

К основным свойствам стереотипов можно отнести наличие:

- оценки «своих и чужих»;

– трактовки различий при сравнении двух культур, социальных групп должна быть полярно противоположны;

– упрощенного варианта репрезентации «другого», когда несколько похожих характеристик объединяются в единую, упрощенную. «Стереотипизация есть способ мышления, который не признает возможных различий между членами стереотипизируемой группы и не допускает исключений из общих правил» [140];

– генезис стереотипа выражен в многократной связи его символов с определенными категориями традиций и явлений;

– в первом приближении он существует в виде суждений, убеждений, представлений, предрассудков;

– усвоение происходит в межгрупповых и внутригрупповых отношениях [37].

Часть II. Межкультурные конфликты

2.1. Понятие межкультурных конфликтов.

В классическом понимании конфликт – это всегда противостояние или противоборство двух или более сторон.

В политической науке конфликт представлен как «способ взаимодействия, при котором преобладает тенденция к противоборству, вражде, разрушению согласия и сотрудничества» [45].

Перевод данного понятия в плоскость культуры требует выведения понятия «культурный конфликт – это, критическая стадия противоречий, в ценностно-нормативных установках, ориентациях, позициях, суждениях личностей групп и сообществ» [103].

Межкультурный конфликт является разновидностью конфликта коммуникативного. Конфликт неизбежное явление в обществе, особенно в том, где проживает несколько народностей со своей культурой.

Межкультурный конфликт – конфликт между этническими группами, имеющими несовместимые интересы, ценности и / или испытывающие обостренное чувство принадлежности к своей группе. Синонимами выступают понятия межэтнические, межнациональные, международные конфликты.

Этничность, усваиваемая с самого рождения и впоследствии функционирующая на бессознательном уровне, задает иррациональный характер межкультурным конфликтам, что проявляется алогичностью и необоснованностью рациональными доводами совершаемых в конфликте действий [22].

В качестве основных причин межкультурных конфликтов выступают культурные (аксиологические, нормативные, поведенческие, религиозные и другие) [20]. Если опираться на классификацию причин коммуникативных конфликтов можно выделить: личностные, межличностные отношения; организационные отношения. Стоит добавить еще сюда и латентные конфликты ценностей и идентичностей. М.Е. Попов говорит о том, что конфликт идентичностей есть суть конфликта посттрадиционности (посттрадиционной России), имеющий в фундаменте ценностно-мировоззренческие различия и противоречия, обусловленные кризисами и трансформациями идентичностей, выстраивающий культурные границы, отталкивая идентичность «чужих» и обособляясь от нее [76].

Е.М. Травина классифицирует межкультурные конфликты в зависимости от мотивов возникновения и выделяет 5 групп:

- 1) социально-экономические (90-е годы XX века Москва и Татарстан: перераспределение части общественного продукта);
- 2) культурно-языковые (в защиту родного языка и культуры – Татарстан [107] 2017, 2019 гг.);
- 3) территориальные (Япония-Россия из-за северных территорий);
- 4) статусные (повышение статуса и увеличение объема реальных прав и полномочий этноса, что демонстрируют Каталония или Шотландия);
- 5) сепаратистские (Северной Ирландии или Стране Басков – борьба за выход из состава федерации образование независимого государства) [101].

А.А. Сушенцов, также кладет в основу классификации мотивационную составляющую и вводит понятие конфликтного поведения («образ действия, при котором основным инструментом достижения цели мыслиться или реально выступает конфликт» [99]. Подробно его классификацию можно увидеть в таблице 1.

Типы и мотивы конфликтного поведения в мировой политике [99, с. 35]

Типы / мотивы	Дефицитарный	Избыточный
Лидерская	<ul style="list-style-type: none"> – конфликты самоопределения; – этнополитические и этноконфессиональные конфликты; – межэтнические конфликты, в т.ч. вытекающие из проблем миграции 	<p>междержавная конкуренция во всех областях:</p> <ul style="list-style-type: none"> – от военно-стратегической (Тройственный союз против Антанты) – до статусно-символической (спор России и Франции за право преимущественного покровительства над Святой Землей во второй половине XIX в.)
Ресурсная	<p>Ресурсная</p> <ul style="list-style-type: none"> – внутривнутриполитические репрессии; – инструментальное блокирование с сильным государством («коалиция по выбору»); – разбойные набеги как экономическая модель 	<p>Борьба за ресурсы всех типов:</p> <ul style="list-style-type: none"> – ископаемые, – «жизненное пространство», – квалифицированные кадры и проч.
Протестная	<ul style="list-style-type: none"> – устрашение; – политическая реакция; – абсентеизм и саботаж (пассивная форма) 	<ul style="list-style-type: none"> – доктрина «сдерживания»; – Советская Россия в ходе интервенции; – политика затягивания (неявного препятствования) вступления России в ВТО
Пенитенциарная	<ul style="list-style-type: none"> – Реваншизм Германии после Первой мировой войны; – мстительность исламистов 	<ul style="list-style-type: none"> – деятельность Международного суда; – миротворчество; – принуждение к миру; – концепция «справедливой войны»
Игровая	<p>Поведение Польши накануне Второй мировой войны</p>	<ul style="list-style-type: none"> – концепция «правил поведения» США и СССР на фоне опасности взаимного гарантированного уничтожения; – спортивные состязания
Провоцирующая	<ul style="list-style-type: none"> – поведенческие приемы КНДР; – японские камикадзе; – Германия в последние месяцы Второй мировой войны 	<p>внешнеполитическое поведение</p> <ul style="list-style-type: none"> – Ирана; – Кубы; – Белоруссии
Патологическая	<p>Политика геноцида камбоджийцев режимом «красных кхмеров» в Камбодже</p>	<p>Различные версии мессианского радикализма:</p> <ul style="list-style-type: none"> – нацисты в Германии; – неоконсерваторы в США; – большевики в России;

		– радикальные исламисты; – идея панславянского государства со столицей в Константинополе
Аффектная	– действия ГКЧП в СССР; – вероятное применение ОМУ режимом С. Хуссейна в ходе вторжения в Ирак в 2003 г.	– концепция США по «войне с террором»; – попытка государственного переворота в России 14 декабря 1825 г. («восстание декабристов»)

Среди потенциально конфликтогенных социокультурных факторов можно назвать: этническую культуру, язык этноса; стереотипированное восприятие других этносов; религиозную идентичность.

Человек может стать субъектом межкультурного конфликта случайно, а объектом может быть лицо или вещь, обладающая разным статусом в конкретной культуре, именно, разное отношение к одному объекту.

В современной теории межкультурной коммуникации при разрешении конфликтов принято использовать модель стилей межкультурных конфликтов. Стратегии же разрешения по признаку прямоты представлены прямой и непрямой; по признаку эмоциональности – эмоциональной / неэмоциональной. В целом, они, объединяясь дают три основных стратегии – «дискуссия» (характерна для американской, австралийской, некоторых скандинавских культур), «вовлечение» – это обсуждение взаимных озабоченностей (афроамериканцы, представители южноевропейских культур, а также россияне) и «приспособление» (мексиканцы, японцы, тайцы); «динамический стиль» характерен для некоторых арабских культур Ближнего Востока, пакистанской культуры [20].

А.А. Сушенцов предлагает управлять конфликтом придерживаясь следующих этапов:

- диагностирование формы конфликтного поведения противников;
- выделение типов конфликтного поведения, препятствующих урегулированию конфликта;
- трансформация неадекватных форм поведения в игровую форму [99].

Наиболее ярким примером межкультурных конфликтов выступают конфликты отражающие мигрантофобии. В рамках данной тематики наиболее актуальными будут межэтнические конфликты.

«Кавказофобия» стала наиболее острой и массовой ксенофобией 1990-х годов. Она выражалась в наблюдениях Всероссийского центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМ) [114–116] и подтверждалась наблюдениями ученых разных сфер. Механизмом возникновения конфликтов была бытовая почва, в раскаленной атмосфере неприязни и страха конфликт мгновенно перерастал в более или менее национально окрашенное столкновение. Власти на тот момент не имели опыта, ресурсов, институтов разрешения подобного рода конфликтов и предпочитали отмалчиваться, иногда поддавались погромным настроениям или провоцировали их, что в конечном итоге приводило к формированию образа «кавказца» как человека «активно и успешно занимающегося не одобряемой властями и осуждаемой общественным мнением полуправильной предпринимательской деятельностью. К тому же выделенного обликом, особенностями поведения и бытовой культуры. «Торгаши», «чужие», «черные» (как маркер культурной чужеродности) – вот основные, как видим, негативные составляющие этого стереотипа» [27]. В качестве причин В.И. Дятлов называет фрустрацию общества из-за стремительно развивающихся событий – распад СССР, события осени 1993 года, кризис старой системы отношений, первые шаги в выстраивании новой государственности, материальные трудности населения, попытки адаптироваться к ним, общий кризис идеологии, ценностей, массовая политизация. Все это способствовало актуализации национальных претензий и конфликтов, а также выходу на поверхность страхов людей, лишившихся стабильности, безопасности, понимания будущего.

«Образ таджика» является конфликтным для Сибири. Под этот образ попадают и жители соседнего Узбекистана, и все выходцы из Центральной Азии (казахи и киргизы), приезжающие в Россию в поисках работы, преимущественно временной, сезонной. Данный образ стал синонимом слова «гастарбайтер»,

данный образ всплывает и тогда, когда надо нанять человека для временной работы за маленькую оплату.

В марте 2019 года в Якутии развернулся конфликт трудовых мигрантов и местного населения после случая с изнасилованием россиянки. Инцидентом в данном конфликте стало сообщение в СМИ от 17 марта 2019 года о том, что местную женщину изнасиловал гражданин Киргизии. Данная новость вызвала вспышку гнева местного населения, что привело к проведению несогласованного митинга в центре Якутска с количеством 200 человек. Разгонять протестующих власти не стали и предложили встречу на следующий вечер в большом для города концертном зале (некоторых источниках – стадионе) «Триумф», куда пришло уже 6 тысяч человек.

Был освистан борец-чемпион Павел Пинигин, женатый на киргизке, а мэр города Сардана Авксентьева и губернатор республики Айсен Николаев пытались успокоить митингующих, поскольку на митинг вышли «спортивного телосложения парни» [4]. Митингующие требовали в форме ультиматума не только наказать виновных, но и выдворить всех трудовых мигрантов за пределы республики. Инициаторами проведения данного мероприятия стали по данным СМИ – неформальные авторитеты, среди которых Торгун Попов.

А. Николаев сделал заявление, что «Якутию осваивали русские и якуты, и пока он глава региона, не позволит командовать представителям других наций» [4], что позволило немного снять эмоциональный накал и заставило толпу разойтись. Также в Якутск для защиты своих граждан прибыла официальная делегация Киргизии во главе с заместителем председателя Государственной службы миграции Саматом Токтоболотовым, поскольку начались погромы в отношении представителей Киргизии [49]. В Якутии под стереотип «киргиз» попали также узбеки, торгующие овощами и фруктами на рынках и в палатках. Погромы снимались на видео, выкладывались в WhatsApp с призывами к киргизам покинуть страну: – «Запомни! У каждого уважающего себя саха (якута – Би-биси) есть в сейфе ружье охотничье и охотничий якутский нож. Не заставляй нас собрать ружья и вынуть нож из ножен» [35]. 19 марта водители-мигранты

отказались выходить на маршруты, закрылись многие овощные и фруктовые лавки, палатки с шаурмой [49].

Власти причиной произошедшего назвали накопившиеся обиду и злобу из-за бедности и безработицы в регионе. Основными стереотипами в сознании местных жителей выступают стереотипы о том, что «хлебные ниши и места, где могло бы работать местное население, занимают мигранты. ... самую прибыльную нишу – строительства – тоже захватили приезжие (по вине власти). Аналогичная картина и в сфере транспорта и торговли» – со слов депутата Госсовета республики Сулустана Мыраан [88].

Другие депутаты, также говорили о том, что межэтнический конфликт возник на фоне бедности местного населения, невозможности его трудоустройства на хорошо оплачиваемые места. Также он был назван конфликтом, основной причиной которого стала экономическая причина.

Глава республики А. Николаев издал указ о запрете работы в сфере торговли, ремонта машин и на транспорте, включая такси [48], 20 марта депутаты законодательного собрания Якутии одобрили принятие постановления «О консолидации усилий по вопросам реализации государственной миграционной политики в республике».

Имам единственной в Якутии мечети – Муса Сагов, был не согласен с действиями властей республики, он считает, что власти должны обеспечить безопасность всем, проживающим на территории республики за счет более жесткой политики в рамках закона. «Люди пишут: если уничтожим мечеть, они все разбегутся. Это же экстремизм чистой воды, как же наши органы это допускают?» – возмущается имам [35].

Таким, образом можно видеть, что формирование образа «врага» произошло, это вылилось не только в стереотипном мышлении на бытовом уровне, но и на уровне государства [59].

Местные жители имеют по отношению к «киргизам» следующие стереотипы: «их слишком много», «они заняли доходные сферы и места», «оставляют за собой мусор, их надо выселять», «мигранты все время бесплатно в автобусах

ездят», «захватили все рынки», «мигранты занимают рабочие места местных», «мигранты не платят налоги» [35].

А.В. Дмитриев в своей статье «Этномиграционные стереотипы versus адаптации» [24, с. 401] на основании эмпирических исследований представил «миграционные» и «резидентские» стереотипы* (табл. 2).

Таблица 2

«Миграционные» и «резидентские» стереотипы*

Стереотипы мигрантов по отношению к резидентам	Стереотипы резидентов по отношению к мигрантам
Выражающиеся индивиды, которые уделяют больше внимания домашним животным, чем родственникам	«Быстроразмножающиеся» индивиды, которые скоро вытеснят нас с нашей земли
Они порочны, больны алкоголизмом, венерическими заболеваниями	Они приносят с собой наркотики, различные болезни
Они не хотят трудиться, предоставляют приезжим тяжелую работу	Они не имеют никакого намерения найти какую-либо работу, бродяжничают и нищенствуют
Они чрезмерно гордятся своей культурой и языком, не признают нашей культуры и обычаев	Они чужие нам люди, говорящие на непонятном языке и не признающие нашей культуры
Они эгоистичны, заражены потребительством и не помогают нам	Они создали преступные группы на этнической основе
Они монополизировали целые отрасли хозяйства и не допускают нас к управлению	Они захватили целые отрасли хозяйства (торговлю, строительство, транспорт и т. д.)
Они платят налоги частично и далеко не все	Они вообще не платят налогов, деньги переводят на родину

*Таблица составлена на основании опубликованных данных [25].

По таблице видно, что все стереотипы носят отрицательный характер.

В 2020 году вопрос миграционных стереотипов снова приобрел актуальность, поскольку ситуация в период пандемии COVID-19 по всему миру привела к необходимости принять необходимые меры на территории многих стран по ограничению не только передвижения, но и трудовой деятельности.

За этот период многие успели лишиться рабочих мест, в том числе и в сферах занятых трудовыми мигрантами. Показателем скрытых конфликтов в отношении трудовых мигрантов служит статья «Пандемия разрушила стереотипы о мигрантах. Как они смогли пережить трудности во время ограничений» [7] По

первичным прогнозам большинства, мигрантские сообщества должны были уйти в сторону криминальных заработков, а, оказалось, что они сплотились и стали поддерживать друг друга.

Е. Варшавер старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики РАНХиГС, говорит о том, что мигранты показали высокую организованность и ответственность в данной ситуации. Для мигрантов Узбекистана, на их родине были созданы специальные фонды, собиравшие деньги для соотечественников за рубежом, на которые в России для них покупались продукты и раздавались нуждающимся.

Таким образом, россияне видят в иммиграции в основном негативные последствия, порождающие и негативные стереотипы. Хотя молодое поколение граждан более толерантно [69].

2.2. Влияние СМИ на формирование и разрушение стереотипов в межкультурных конфликтах.

Раскрывая роль СМИ в формировании миграционных стереотипов и их влияние на участников межкультурных конфликтов, следует отметить, что активность средств массовой коммуникации, создающих образ диаспорных групп и вновь прибывающих мигрантов, достаточно быстро принимается и активно усваивается читателями.

В разных текстах газет, журналов, книг, в текстах радио, телевидения, обычного общения формируются устойчивые, негативно окрашенные этностереотипы и фобии, подталкивающие к неадекватному восприятию друг друга и формированию напряженности [26].

Массовая коммуникация формирует и закрепляет социальные стереотипы, а также восприятие этнических групп.

В.О. Попова и Е.А. Балезина раскрывая роль СМИ в формировании стереотипов массового сознания, утверждают, что массмедиа манипулируют сознанием, передавая стереотипную информацию, не дают возможности индивиду критически осмыслить ситуацию [77].

И. Дзялошинский видит причину нелюбви друг к другу местного населения и мигрантов, в образе рисуемом СМИ. 40% текстов, посвященных мигрантам носят негативный характер, в частности «нам нужны мигранты, но не те, которые приезжают», нередко цитируются ксенофобские высказывания и тексты без осуждающего комментария («мусульмане всегда насаждали ислам огнем и мечом», «евреи захватили всю нефть и банки») [67].

Его позиция подтверждается тем, что использование средствами массовой информации таких слов как «нелегальный мигрант», «гастарбайтер» идут в противоречие здравому смыслу, поскольку человек являясь субъектом международного и национального права «легален» просто по факту своего существования. Используемый российским законодательством термин «незаконная миграция» в международном законодательстве отсутствует, поскольку его содержание представлено в терминах «неурегулированная миграция» либо «недокументированная миграция» [124, с. 9].

Особенно телевидение нередко акцентирует внимание на этнической принадлежности преступников, что обычно болезненно для восприятия диаспоральными группами населения.

В ответ на односторонность представленной информации, ее негативный характер в отношении этнокультурных групп создаются диаспоральные СМИ как альтернатива публичному коммуникативному пространству. Их основная цель – «сохранение непрерывной традиции» и перевод локальных национальных границ в транснациональные [25, с. 123–129].

В. Шнирельман считает, что многие СМИ систематически создают этнические стереотипы, искажая представление о мигрантах в России, их количестве, образе жизни и их занятиях [112].

В работе Г.С. Мельник «Стереотип, формирование стереотипов в процессе массовой коммуникации» указывается, что стереотип служит средством поддержания социальных структур. Для этого массмедиа использует имплицитные формы воздействия такие как:

- подмена проблем;

- смена акцентов с главного смысла на второстепенный;
- эффект смысловых ножниц (употребляется название, но не указывается смысл);
- обращение потребностям и идеалам общества;
- создание чувств опасности и дискомфорта [60].

По мнению И. Дзялошинского, используются как минимум три приема с помощью которых происходит дискредитация религиозных, этнических и социальных групп:

- 1) использование лексики дискриминационно-осуждающего характера («казахи тупые», «евреи жадные», «цыгане – воры»).
- 2) подбор тематики (мигранты неквалифицированные, неграмотные, нелегалы и т. п.);
- 3) специфическое комментирование – это прием по формированию у аудитории единственно возможного отношения к явлению [67].

Негативное отношение к «кавказцам» было ярко представлено не только в СМИ, но и в литературных произведениях, например, в серии «экономических триллеров» Юлии Латыниной [50–53].

В.И. Дятлов раскрывает механизм и способы построения стереотипов в сознании обывателя. Один из распространённых способов назван им «пирамидой» (использована аналогия финансовой аферы).

В нем применяются взаимные перекрестные «экспертные оценки» журналистов, чиновников и ученых по алгоритму: появление информации в газете, затем ее воспроизведение со сдержанно-скептическими интонациями представителями научного сообщества («научная санкция»), введение термина в речевой оборот ведомственных аналитиков и чиновников, использование и тиражирование СМИ как информации из надежного и солидного источника. И так круг замыкается. Примером служит оценка численности «китайских» мигрантов на территории России и сведения о смешанных браках с ними на Дальнем Востоке.

Другими распространёнными способами по мнению В.И. Дятлова выступает использование анонимных авторитетных источников, выстраивание

вербального и интонационного контекста по средством броских, эмоциональных заголовков («экспансия», «вторжение», «оккупация», «посланцы Поднебесной») или ернически-издевательской лексики [27].

Но массмедиа помимо создания стереотипов владеет и стратегиями их разрушения.

В.М. Маркина выделяет несколько данных стратегий, которые позволяют при их использовании разрушить негативные этнические стереотипы:

- 1) создание новых положительных стереотипов;
- 2) презентация этнических групп в контексте успеха;
- 3) представление этнической группы как адаптированной к доминирующим культурным нормам;
- 4) презентация недостатков или ограничений представителей коренного этноса;
- 5) репрезентация посредством переноса позитивных образов на негативные стереотипы, транслируемые в доминирующей культуре;
- 6) поиск и столкновение амбивалентных стереотипов в критической форме.

БФ «ПСП-фонд» (Санкт-Петербург) в рамках проекта «Разработка комплексной системы повышения информированности и оказания содействия трудовым мигрантам из Средней Азии, находящимся в Санкт-Петербурге, и распространение опыта в других регионах Российской Федерации» издал методические рекомендации в помощь средствам массовой информации и специалистам по информационной работе [124], в которых изложил основные моменты миграционных процессов в социальной, экономической и политической жизни Российской Федерации.

В них говорится о том, что тиражируемые СМИ негативные стереотипы, подогреваемые экстремистскими группами, могут усугубить конфликтную ситуацию городского и местного масштаба.

Далее развенчиваются стереотипы, сформированные в сознании людей и поддерживаемые средствами массовой информации.

Стереотип 1. «В России много нелегальных мигрантов», по этому пункту дается подробное описание процедуры получения миграционной карты, въездного штампа. В отношении нелегальных мигрантов указана примерная цифра их присутствия на территории РФ.

Стереотип 2. «Среди мигрантов высокий уровень преступности» – приводятся данные сайта Генеральной прокуратуры РФ [71] с указанием доли преступлений совершенных мигрантами, а также Статистика судебного департамента при Верховном суде РФ [72] на 2017 год.

Стереотип 3. «Мигранты плохо работают, приносят убытки бюджету и не нужны нашей экономике» раскрывается посредством представлений о сферах занятости трудовых мигрантов и расчет количества трудового времени, с приведением цифр заработка трудовых мигрантов.

Стереотип 4. «Мигранты много рожают и вытесняют местное население» развенчан подсчетом уровня рождаемости на 1 женщину среди мигрантов и местного населения.

Стереотип 5. «Большое количество мигрантов не нужно нашей стране» – приводятся данные Росстата о том, что «России будет сохраняться в пределах 147 млн человек, требует миграционного прироста в размере не менее 285 тыс. человек ежегодно и подразумевает постепенное сокращение естественного прироста. При этом сокращение миграционного прироста до уровня 120 тыс. человек в год будет означать существенное сокращение численности населения страны. Рост численности населения Российской Федерации возможен только при сохранении миграционного прироста на уровне от 340 тыс. человек в год и выше. Миграционный прирост населения РФ в 2016 году составил 261,9 тыс. человек, обеспечив 98% общего прироста населения» [113].

Стереотип 6. «Мигранты распространяют опасные заболевания» данный стереотип опровергается данными Комитета по здравоохранению [10].

Стереотип 7. «Дети мигрантов заполнили школы и детские сады» – приведена официальная статистика численности детей мигрантов в детских садах Санкт-Петербурга и Москвы [21].

Стереотип 8. «России угрожают беженцы из Сирии и Ближнего Востока» – развенчивается статистикой, указывающей на непривлекательность России для беженцев [73].

Далее по тексту дается описание отрицательных аспектов в работе СМИ РФ в отношении мигрантов, с указанием на то, что некоторые СМИ говорят о «миллионах» незаконных («нелегальных») мигрантов не имеют под собой никаких оснований» [124, с. 9].

Опираясь на классификацию стереотипов, приведенную во втором параграфе первой главы, остановимся на представленности гендерных и этнических стереотипов в средствах массовой информации.

Представленность гендерных стереотипов:

Е.А. Соколова утверждает, что СМИ формируют социальные роли, при помощи гендерных стереотипов, и массмедиа крупных городов манипулирует представлениями о том, какими должны быть мужчины и женщины [91]. В рамках данной работы данное положение рассматривается как неотъемлемая часть миграционных стереотипов, поскольку, в последние годы миграция приобрела глобальный характер и имеет гендерную, возрастную составляющие. Наблюдается рост феминизации журналов и газет [90, с. 223–239].

Гендерная политика России в последние годы смещает акценты с равноправия мужчин и женщин в сторону поддержки женщин как матерей и воссоздание патриархальных стереотипов [30], что несомненно отмечается и женщинами-мигрантами.

Этнические стереотипы в массмедиа представлены в рамках этнической и межнациональной информации.

Е.О. Хабенская утверждает, что, используя избирательность в обозначении в статьях этнической принадлежности героев криминальных сюжетов, именно СМИ ответственны за формирование нетерпимости к этнокультурным и этноконфессиональным группам и за формирование ксенофобии в обществе [105].

По результатам опроса «Левада Центр», проведенного в 2011 году в России отмечается рост числа респондентов, называющих в качестве причины

распространения национализма и ксенофобии поведение национальных меньшинств [64].

Оба эти вида стереотипов отражают в газетах и журналах. Так, например, в газете «Аргументы Недели» нередко появляются заголовки в которых фигурируют слова – «кавказец», «мигрант» («Стрельба в Питере: кавказцы не прошли фейс-контроль в один из баров» («Аргументы Недели» 21.09.2013); «В Москве несколько мигрантов изнасиловали школьницу» («Аргументы Недели» 10.03.2017); «Похотливый мигрант насиловал петербурженку в автомобиле» («Аргументы Недели» 20.02.2017).

На разрушение этнических стереотипов работает очень мало источников. Газета «Ведомости» на своих страницах разместила только два материала в которых освещены проблемы адаптации, интеграции, наличие этнических стереотипов – статьи «Язык вражды» (16.02.2007) и «Ксенофобия разлита в воздухе» (17.12.2010);

Информационный портал «Такие дела» также опубликовал два текста – «Загонное право» (18.12.2015) и «В курсе дело» (25.08.2015).

ЯндексДзен опубликовал статью «Антимигрантские волнения в Якутии: что это было?» (19.03.2019).

LENTA.RU разместила статью «Погромы и протесты против мигрантов в Якутске» (20.03.2019).

В качестве способов решения проблемы развития ксенофобных настроений среди населения РФ и предотвращения межнациональных конфликтов, предложено взаимодействие государственных и общественных организаций, работающих в сфере миграции и межнациональных отношений, со СМИ, освещающими данную тематику. На практике эта тенденция выражена в:

– создании Гильдией межэтнической журналистики Этического кодекса журналистов, освещающих межэтническую тематику в РФ [119];

– при Комитете по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики в Санкт-Петербурге в качестве совещательного органа создан «Этно-пресс-клуб» [70].

Подводя итоги изложенному выше, можно утверждать, что межкультурные конфликты могут поддерживаться, набирать силу благодаря не только активным действиям со стороны участников, но подкрепляться стереотипностью мышления, выраженной в средствах массовой информации.

Заключение

Проведенное исследование по указанной тематике позволило раскрыть понятие миграционных стереотипов в межкультурных конфликтах. В первой главе работы было раскрыто понятие социальный стереотип, начиная с истоков введения данного понятия У. Липпманом.

Теоретический анализ, раскрывающий суть данного понятия проведен в рамках: психоаналитического подхода, представленного трудами Г.У. Олпорта, Т. Адорно, Е. Френкеля-Брюсвика, Д. Левинсона и Р. Сэнфорда. В нем стереотип представлен как иррациональное, искажающее реальность видение мира, позволяющее закрепить предрассудки; символично-интеракционистский подход Т. Шибутани, труды Б. К. Дэвиса и С. Дж. Бэрна позволяют раскрыть стереотип как средство классификации людей и явлений; в рамках когнитивного подхода Г. Тэджфел, Д. Тейлор, С.Т. Фиске, Т.К. Трейлер, Д.М. Маки, Д.Л. Гамильтон и другие говорили о том, стереотипы позволяют удовлетворить потребности личности в представлениях о физическом и социальном окружении, реализуемых аутгруппами и ингруппами, а также, провести жесткую грань между «Своими» и «Чужими».

В отечественной науке стереотип представлен в рамках социальных и социально-политических наук как явление стандартизованное, схематичное, иррациональное. Отечественные авторы говорят о преобладании эмоциональной стороны стереотипов.

В изложенных теориях стереотип имеет две составляющие. По одной теории когнитивную и эмоциональную, по другой – когнитивную и инструментально-практическую установку (О.Ю. Семендяева). Здесь же были представлены функции и принципы стереотипизации. Изложенная классификация

стереотипов, имеющаяся на сегодняшний день в научной литературе достаточно обширна, чтобы объединить в себе все возможные основания и признаки.

Миграционные стереотипы раскрыты на примерах стереотипов беженцев от чеченских войн и югоосетинских столкновений, гендерных стереотипах вынужденных мигрантов из стран СНГ и Балтии, а также в рамках проблемы «свой» / «чужой» на территории РФ в отношении мигрантов постсоветского пространства.

Во второй главе были рассмотрены межкультурные конфликты как научный феномен и как реализованные в жизнедеятельности когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты.

Рассмотрев несколько определений понятия межкультурный конфликт было выявлено, что он представлен конфликтами между этническими группами на почве ценностных ориентаций и обостренного чувства принадлежности к своей группе.

Причинами возникновения данного типа конфликтов могут быть личностные, межличностные, организационные отношения, преобразующиеся в различного рода фобии: «ксенофобии», «кавказофобии», «мигрантофобии».

На примере конфликта, случившегося в Якутии в марте 2019 года видно, что стереотипы, скрытые до определенного момента, выходят на поверхность общественных настроений и могут в дальнейшем спровоцировать социально-политические волнения. Причиной тому служит, по мнению официальных властей, непродуманная миграционная политика, а также бедность и нерешенные социальные проблемы населения. Все это выливается в формирование «образа врага» в лице трудовых мигрантов по всей территории Российской Федерации.

Немаловажную роль не только в формировании, но и в поддержании стереотипов играют средства массовой информации, обладающие как средствами и механизмами формирования стереотипов населения, так и их разрушения.

В качестве подобного рода механизмов могут выступать не только приемы написания статей и изложения материала в газетах, журналах, где читатель сам

додумывает смысл и «оживляет немых героев», но эмоционально окрашенные репортажи с места события, показанные на телевидении или озвученные по радио.

В качестве стратегий разрешения стереотипов массмедиа предлагают не только создание альтернативных официальным каналам, своих – «этнических», снимающих информационной положительной наполненностью событий негативные представления у принимающей мигрантов стороны.

На официальном уровне в Санкт-Петербурге был создан «Этно-пресс-клуб» в качестве совещательного органа для пишущих про мигрантов журналистов, разработан Этический кодекс журналистов.

Все вышеизложенное позволяет доказать гипотезу данного исследования о том, что миграционные стереотипы могут носить как позитивный, так и негативный характер в зависимости от направления, заданного средствами массовой информации для освещения социальных событий и тем, самым помогать в реализации миграционной политики Российской Федерации.

Список литературы

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы / В.С. Агеев. – М., 1990. – С. 104.

2. Ажгихина Н. Гендерные стереотипы в современных масс-медиа // Женщины: свобода слова и творчества: сборник статей / Н. Ажгихина. – М.: Эслан, 2001. – 200 с.

3. Ажгихина Н.И. Парадоксы свободы: гендерные стереотипы и гендерная цензура в современных СМИ / Н.И. Ажгихина // Гендерные исследования. – 2000. – №5. – С. 261–273.

4. Антимигрантские волнения в Якутии: что это было? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/liberty/antimigrantskie-volneniia-v-iakutii-cto-eto-bylo-5c91111ecc852f00b446d65f> (дата обращения: 09.07.2020).

5. Ачкасов В. Рост этнического многообразия и толерантность в крупных городах России: «случай» Санкт-Петербурга / В. Ачкасов // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: коллективная

монография / ред. и сост. М.С. Розанова; пер. с англ. яз. М.С. Розановой и А.Б. Лесохина. – СПб.: Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «СТРАТЕГИЯ»; Скифия-принт, 2016. – 192 с.

6. Батыгин Г.С. Стереотипы поведения: распознавание и интерпретация / Г.С. Батыгин // Соц. исследования. – 1980. – №4.

7. Белова С. Пандемия разрушила стереотипы о мигрантах. Как они смогли пережить трудности во время ограничений/ С. Белова // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4407869> (дата обращения: 09.07.2020).

8. Бобрышева Т.В. Социальные представления как объект психологического исследования / Т.В. Бобрышева. – М., 1996.

9. Бодалев А.А. О социальных эталонах и стереотипах и их роль в оценке личности / А.А. Бодалев, В.Н. Куницына // Человек и общество / под ред. Б.Г. Ананьева. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – С. 151–160.

10. Бойцова М. Петербург перешел эпидпорог заболеваемости ВИЧ/СПИД [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ok-inform.ru/obshchestvo/medicine/49182-peterburg-pereshel-epidporog-zabolevaemosti-vich-spid.html> (дата обращения: 10.07.2020).

11. Бритвина И.Б. Гендерная детерминация адаптации вынужденных мигрантов: социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / И.Б. Бритвина; Уральский государственный университет им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2006. – 39 с.

12. Бурдые П. Начала / П. Бурдые. – М., 1994. – С. 204.

13. В Татарстане появилась комиссия по сохранению и развитию татарского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inkazan.ru/news/culture/07-07-2020/v-tatarstane-royavilas-komissiya-po-sohraneniyu-i-razvitiyu-tatarskogo-yazyka> (дата обращения: 07.07.2020).

14. Валиев И.Н. Стереотипы социального взаимодействия / И.Н. Валиев. – М.: Прометей, 2016. – 126 с.

15. Ворожко К.Д. Стереотип как социокультурный феномен в трудах отечественных и зарубежных исследователей / К.Д. Ворожко // Интерактивная наука. – 2016. – №6. – С. 82–84.
16. Гаджиев К.С. США – Эволюция буржуазного сознания / К.С. Гаджиев. – М., 1981. – 368 с.
17. Гильмутдинова Г. «Никто лучше нас», или Как это будет по-русски? / Г. Гильмутдинова // Стрела. – 2015. – №8, февраль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gazetastrela.ru/wp-content/uploads/2015/03/N8_957.pdf (дата обращения: 04.07.2020).
18. Гладких С.В. Этнические стереотипы как феномен духовной культуры: дис. ... канд. философ. наук / С.В. Гладких. – Ставрополь, 2001. – 154 с.
19. Грушин Б.А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования / Б.А. Грушин. – М.: Политиздат, 1987. – С. 301.
20. Гузикова М.О. Основы теории межкультурной коммуникации / М.О. Гузикова. – М.: Юрайт, 2018. – 121 с.
21. Данные отчета о деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге за 2017 г., раздел 2.3 Дети иностранных граждан // Ежегодный доклад Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге. – С. 4, 20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spbdeti.org/files/doklad2017/1_3.pdf (дата обращения: 10.07.2020).
22. Джумамухамедов Р. Социокультурный конфликт миграции в современных полиэтнических сообществах / Р. Джумамухамедов // Международная жизнь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/21450> (дата обращения: 10.07.2020).
23. Дмитриев А.В. Миграционные стереотипы в коммуникациях / А.В. Дмитриев // Коммуникология. – 2015. – №3. – С. 140–146.
24. Дмитриев А.В. Этномиграционные стереотипы versus адаптации / А.В. Дмитриев // Россия реформирующаяся: ежегодник: сборник научных статей / отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН. – М.: Новый хронограф, 2016. – Вып. 14 – С. 397–410.

25. Дмитриев А.В. Мигранты в Москве. Проблемы адаптации / А.В. Дмитриев, И.М. Кузнецов, В.Ю. Леденева [и др.]. – М.: Альфа-М, 2014. – 144 с.

26. Дмитриев А.В. Этнические группы мигрантов и конфликты в анклавных рынках труда / А.В. Дмитриев, Г.А. Пядухов // Социологические исследования. – 2005. – №8. – С. 90–100.

27. Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов / В.И. Дятлов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 451–484 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0479/analit01.php#_FNR_1 (дата обращения: 01.07.2020).

28. Егорова-Гантман Е. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях / Е. Егорова-Гантман, К.Плешаков // МЭМО. – 1988. – №2. – С. 20.

29. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам / Г.В. Елизарова. – СПб.: КАРО, 2005. – 352 с.

30. Ельникова Г.А. Гендерная асимметрия в современной социокультурной реальности / Г.А. Ельникова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2012. – Т. 19. №2 (121). – С. 23–31.

31. Ерёмин В.В. Роль стереотипов в межкультурных конфликтах / В.В. Ерёмин // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – Т. 3. №2 (62). – С. 43–46.

32. Жусипбек Г. Ориентализм стереотипы, факты, попытка анализа / Г. Жусипбек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/2012/06/19/1958> (дата обращения: 30.06.2020).

33. Зак Л.А. Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы / Л.А. Зак. – М.: Междунар. отношения, 1976. – 287 с.

34. Зак Л.А. Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы / Л.А. Зак. – М., 1977.

35. Зотова Н. «Не заставляй нас собрать ружья»: почему жители Якутска поднялись против мигрантов / Н. Зотова // BBC News русская служба

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-47731433> (дата обращения: 09.07.2020).

36. Иванова Е.А. Стереотип как феномен культуры: дис. ... канд. философ. наук / Е.А. Иванова. – М., 2000. – 173 с.

37. Ильюшкин В.В. Теоретические представления о национальных и этнических стереотипах в социальных науках и психологии / В.В. Ильюшкин // Проблемы науки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scienceproblems.ru/teoreticheskie-predstavlenija-o-natsionalnyh/2.html> (дата обращения: 01.07.2020).

38. Иоффе И. Профессия – ориенталист / И. Иоффе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.left.ru/2006/5/ioffe139.phtml> (дата обращения: 30.06.2020).

39. Казанцев А.А. Прогноз деятельности террористических организаций в странах Центральной Азии и Афганистане: возможные пути противодействия в интересах безопасности РФ / А.А. Казанцев, Л.Ю. Гусев // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2013. – Т. 9. №1. – С. 160–176.

40. Каменских М.С. Мигранты и стереотипы о мигрантах в общественном пространстве российского мегаполиса / М.С. Каменских // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2018. – №4. – С. 131–143.

41. Каменских М.С. Мигранты и экономика региона: вопросы зависимости (на примере Пермского края) / М.С. Каменских // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов / под ред. А.Е. Загребина, М.Ю. Мартыновой; ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН. – М.; Ижевск, 2017.

42. Кириллов Н.П. Массовое сознание. Структура. Генезис. Сущностные характеристики (вопросы теории и методологии) / Н.П. Кириллов. – Томск: Изд-во Томского университета, 1965. – 122 с.

43. Кон И.С. Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предубеждений) / И.С. Кон // Новый мир. – 1966. – №9. – С. 188–204.

44. Кондратенко Г.М. Об особенностях стереотипизации / Г.М. Кондратенко // Вестник МГУ – 1968. – №2. – С. 56–65.

45. Коновалов В.Н. Политология. Словарь / В.Н. Коновалов. – М.: РГГУ, 2010.
46. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
47. Крысько В.Г. Введение в этнопсихологию / В.Г. Крысько, Э.А. Саракуев. – М., 1996. – 342 с.
48. Кузнецов Д. Горизонтальная Россия. Межэтнические конфликты в современной России: из-за убийств, нападений и врезок в газопровод // 7x7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://7x7-journal.ru/articles/2019/06/17/mezhetnicheskie-konflikty-v-sovremennoj-rossii-iz-za-ubijstv-napadenij-i-vrezok-v-gazoprovod> (дата обращения: 09.07.2020).
49. Кузьменко В. Погромы и протесты против мигрантов в Якутске / LENTA.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа – <https://lenta.ru/brief/2019/03/20/yakutsk/> (дата обращения: 09.07.2020).
50. Латынина Ю. Джиханнам, или До встречи в Аду / Ю. Латынина. – М.: АСТ, 2009. – 240 с.
51. Латынина Ю. Земля войны / Ю. Латынина. – М.: ЭКСМО, 2007. – 480 с.
52. Латынина Ю. Не время для славы / Ю. Латынина. – М.: АСТ, 2009 – 544 с.
53. Латынина Ю. Ниязбек / Ю. Латынина. – М.: ЭКСМО, 2005. – 384 с.
54. Липпман У. Общественное мнение / У. Липпман. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
55. Максимов И.В. Межкультурные конфликты в международных отношениях: история, современность, тенденции: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / И.В. Максимов. – М., 2013. – 145 с.
56. Мануковский М.В. Стереотипы сознания в межкультурной коммуникации: учеб. пособие по курсу «Теория межкультурной коммуникации» / М.В. Мануковский. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 100 с.
57. Марецкая Н.А. Дипломатические и пропагандистские стереотипы как основа внешнеполитического имиджа государства / Н.А. Марецкая, Л.Г. Халанская // Ученые записки Крымского федерального университета им.

В.И. Вернадского Философия. Политология. Культурология. – 2018. – Т. 4 (70). №2. – С. 70–80.

58. Мастюгина Т.М. Национальная политика в России: XVI – начало XXI века: учеб. пособие / Т.М. Мастюгина, Л.С. Перепелкин, В.Г. Стельмах. – М.: Форум, 2013. – 304 с.

59. Межэтнические конфликты в России в 2019 году: как россияне уживаются с другими национальностями // 1RRE.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/219128512> (дата обращения: 09.07.2020).

60. Мельник Г.С. Стереотип, формирование стереотипов в процессе массовой коммуникации / Г.С. Мельник // Mass-Media: Психологические процессы и эффекты. – СПб., 1996.

61. Мельник Г.С. Стереотип, формирование стереотипов в процессе массовой коммуникации / Г.С. Мельник // Манипуляция сознанием: сборник статей // Mass-Media: Психологические процессы и эффекты, – СПб., 1996 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psyfactor.org/lib/stereotype1.htm> (дата обращения: 01.07.2020).

62. Метелкина Ю.С. Социальные стереотипы – процессы формирования, виды и использование в политике: информационный подход: дис. ... канд. социол. наук: 23.00.02 / Ю.С. Метелкина. – Новосибирск, 2002. – 142 с.

63. Метёлкина Ю.С. Социальные стереотипы: процессы формирования, виды и использование в политике (информационный подход): автореф. дис. ... канд. социол. наук / Ю.С. Метёлкина. – Новосибирск, 2002. – 18 с.

64. Национализм в России // Левада-Центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2011/09/26/natsionalizm-v-rossii/> (дата обращения: 10.07.2020).

65. Нельсон Т. Психология предубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения / Т. Нельсон. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 384 с.

66. Немов Р.С. Психология: учебник для студентов высш. пед. учеб. заведений / Р.С. Немов. – В 3 кн. – М.: Просвещение; ВЛАДОС, 1995. – С. 240.

67. Нигора Бухари-заде МЫ и ОНИ: о мигрантах, языке вражды и агрессивной ментальности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fergananews.com/articles/8577> (дата обращения: 04.07.2020)

68. Орлова О.Г. Стереотипы о России и русских: монография / О.Г. Орлова; науч. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2011. – 154 с.

69. Осеев А.А. Особенность этносоциальных конфликтов на российском рынке труда: отношение к иммигрантам в России и Великобритании – сравнительный анализ / А.А. Осеев, Ф.А. Дудуева // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2015. – №4. – С. 85–97.

70. Официальный сайт Администрация Санкт-Петербурга: Этно-Пресс-Клуб [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gov-contract.n3demo.ru/gov/otrasl/kmormp/etno-press-klub/> (дата обращения: 10.07.2020).

71. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/>

72. Официальный сайт судебного департамента при Верховном суде РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

73. Официальный сайт: Интернет-портал СНГ (пространство интеграции) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-cis.info/page.php?id=26552>

74. Павловская А.В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации / А.В. Павловская // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1998. – №1. – С. 94–102.

75. Панченков О. Роль «этнической идентичности» в исследованиях миграции и ответственность социального ученого / О. Панченков // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – №1. – С. 164–173.

76. Попов М.Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: теоретические аспекты / М.Е. Попов // Гуманитарные и юридические исследования – 2014. – №1. – С. 179–184.

77. Попова В.О. Роль средств массовой информации в формировании стереотипов массового сознания / В.О. Попова, Е.А. Балезина // Вестн. Пермского ун-та. Филология, психология, социология. – 2015. – №2. – С. 88–94.

78. Речкин Н.С. Стереотипы и процессы стереотипизации в социальных системах (на примере систем школьного образования): автореф. дис. ... д-ра философ. наук / Н.С. Речкин. – Ростов н/Д, 2006. – 51 с.

79. Розанова М. Россия – новая иммиграционная страна? Динамика изменения подходов к интеграции мигрантов: от политики толерантности к «миграционной полиции» (на примере Санкт-Петербурга) / М. Розанова // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: коллективная монография / ред. и сост. М.С. Розанова; пер. с англ. языка М.С. Розановой, А.Б. Лесохина. – СПб.: СТРАТЕГИЯ; Скифия-принт, 2016. – 192 с.

80. Романов А.С. Языковые средства экспликации этнических стереотипов в картине мира американских военнослужащих: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.С. Романов. – М., 2015. – 215 с.

81. Рябов О.В. «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии / О.В. Рябов. – М., 2001.

82. Рябов О.В. Межкультурная интолерантность: гендерный аспект / О.В. Рябов // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: коллективная моногр. / отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 165–179.

83. Рябов О.В. Образ врага в гендерном дискурсе российской пропаганды периода Первой мировой войны / О.В. Рябов // Vater Rhein und Mutter Wolga: Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland. / Hrsg. v. Cheaure E., Nohejl R. und Napp A. Wurzburg: ERGON Verlag, 2005. – P. 263–272. (Identitaeten und Alteritaeten. Sbd.20).

84. Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Т.Б. Рябова; Ивановский государственный университет. – Иваново, 2009. – 43 с.

85. Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований / Т.Б. Рябова // *Личность. Культура. Общество.* – 2003. – Т. V. Вып. 1–2 (15–16). – С. 120–139.

86. Семендяева О.Ю. Стереотип как социальный и социально-психологический феномен: дис ... канд. филос. наук: 09.00.00 / О.Ю. Семендяева. – М., 1986. – 195 с.

87. Семендяева О.Ю. Стереотип как социальный и социально-психологический феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук / О.Ю. Семендяева. – М.: Академия наук ССР Институт социологических исследований, 1986. – 24 с.

88. Скандал в Якутии – не противостояние мигрантам, а социальный всплеск // Информационное агентство REGNUM [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/2594806.html> (дата обращения: 09.07.2020).

89. Славская А.Н. Правовые представления российского общества // *Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики* / А.Н. Славская; под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой. – М.: Институт психологии РАН, 1997. – С. 75–92.

90. Смирнова О.В. Гендерная проблематика / О.В. Смирнова // *Проблематика СМИ: Информационная повестка дня.* – М., 2008. – 316 с.

91. Соколова Е.А. Комплекс гендерных стереотипов в медийном портрете женщины в местной прессе / Е.А. Соколова // *Фундаментальные исследования.* – 2013. – №1. Ч. 3. – С. 775–779.

92. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.

93. Сорокина Н.В. Методическая типология стереотипов как компонент содержания обучения иностранным языкам в вузе / Н.В. Сорокина // *Язык и культура.* – 2013. – №3 (23). – С. 120–139.

94. Степанова А. В Татарии вспомнили о языке: конфликт разрастается / А. Степанова [Электронный ресурс]. – Режим доступа – <https://regnum.ru/news/society/2732046.html> (дата обращения: 07.07.2020).

95. Степанова О.К. Особенности этнических стереотипов студентов Бурятии: дис. ... канд. психол. наук / О.К. Степанова. – М., 1999. – 186 с.
96. Стереотип социальный // Энциклопедический словарь в шести томах / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://psychology_lexicon.academic.ru/288/Стереотип_социальный (дата обращения: 29.06.2020).
97. Стереотип социальный // Современная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/45374/СТЕРЕОТИП_СОЦИАЛЬНЫЙ (дата обращения: 29.06.2020).
98. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – М.: Институт психологии РАН; Академ. проект, 1999. – 320 с.
99. Сушенцов А.А. Модели поведения Российской Федерации в международных конфликтах 1990–2000-х гг. / А.А. Сушенцов // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – №5 (26). – С. 33–37.
100. Турцева Д. Рустам Минниханов: «Ну как может быть государственный язык добровольным?» / Д. Турцева, М. Горожанинова.
101. Фалькова Е.Г. Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определениях: метод. пособие / Е.Г. Фалькова. – СПб.: СПбГУ, 2007. – 77 с.
102. Феофанов С.А. Стереотип и «имидж» в буржуазной пропаганде / С.А. Феофанов // Вопросы философии. – 1980. – №6. – С. 37.
103. Флиер Л.Я. Культурология. XX век. Энциклопедия / Л.Я. Флиер. – В 2 т. – М.: Университетская книга, 1997.
104. Фрик Т.Б. Основы теории межкультурной коммуникации: учебное пособие / Т.Б. Фрик; Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. – 100 с.
105. Хабенская Е.О. Этнические стереотипы и ксенофобия в СМИ (по материалам мониторинга прессы столичного региона) / Е.О. Хабенская // Дневник АШПИ. – 2005. – №1. – С. 171–174.
106. Ходик Д., Шевцова Я. Вопрос, разделивший общество. В чём суть «языкового конфликта» в Татарстане / Ходик Д., Шевцова Я. [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: https://kazan.aif.ru/society/vopros_razdelivshiy_obshchestvo_v_chyom_sut_yazykovogo_konflikta_v_tatarstane (дата обращения: 07.07.2020).

107. Чеканова С.А. Роль стереотипов в межкультурном общении / С.А. Чеканова // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – №12. – С. 263–265.

108. Шерковин Ю.А. Убеждение, внушение, пропаганда / Ю.А. Шерковин // Вестник МГУ. – 1969. – №5.

109. Шибутани Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – М., 1969. – С. 98.

110. Шихирев П.Н. Исследование стереотипа в американской социальной науке / П.Н. Шихирев // Вопросы философии. – 1971. – №5.

111. Шихирев П.Н. О поляризованности стереотипа / П.Н. Шихирев // Современная социальная психология. – М., 1999. – С. 116.

112. Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: идеология и практика нового расизма / В.А. Шнирельман. Т. II. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – С. 277–285.

113. Щербакова Е. Миграция в России, предварительные итоги 2016 года / Е. Щербакова // Демоскоп. – 2017. – №719–720 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0719/barom01.php> (дата обращения: 10.07.2020).

114. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – 1994. – №1. – С. 17–19.

115. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – 1995. – №2. – С. 22–26.

116. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – 1995. – №5. – С. 14–16, 56–57.

117. Эмигранты. Стереотипы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://igornasa.livejournal.com/15020.html> (дата обращения: 04.07.2020).

118. Эргене Э. Движение Гюлена: зов к благоразумию / Э. Эргене. – М., 2010.
119. Этический кодекс журналистов, освещающих межэтническую тематику в Российской Федерации / Медиапроект гильдии межэтнической журналистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nazaccent.ru/about/eticheskij-kodeks/> (дата обращения: 10.07.2020).
120. Ядов В.А. К вопросу о теории «стереотипизации» в социологии / В.А. Ядов // Философские науки. – 1960. – №2. – С. 47–58.
121. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности / В.А. Ядов // Методологические проблемы социальной психологии / под ред. Е.В. Шороховой. – М., 1975. – С. 89–105.
122. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция / В.А. Ядов – 2-е изд., расш. – М.: ЦСПиМ, 2013. – 376 с.
123. Ядов В.А. Стереотип социальный / В.А. Ядов // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – С. 626–627.
124. Якимов А.Н. Освещение миграционных процессов в Российской Федерации. Методические рекомендации в помощь средствам массовой информации и специалистам по информационной работе / А.Н. Якимов; под ред. Б.Л. Панич. – СПб., 2018. – 36 с.
125. Allport G.W. The Nature of Prejudice / G.W. Allport. – Reading, MA: Addison-Wesley, 1954. – 350 p.
126. Allport J.W. The natural of Prejuduce, N. Y. 1958. – №4. – P. 187.
127. Bourdieu P. Masculine domination. Stanford, 2001. – P. 103.
128. Dennis K. Davis, Stanley J. Baran Communication and everyday Life: A Perspective on Theory and Effects. – Wadsworth Publishing Company, 1981. – 217 с.
129. Eberhardt J.L., Fisce S.T. Motivating individuals to change: What is a target to do? // Stereotypes and stereotyping. – P. 371–383.

130. Ergene E, Geleneğin Modern Çağa Tanıklığı. – Istanbul: Akademi Yayinlari, 2005. – 408 с.
131. Hall S. The West and the Rest: Discourse and power // S. Hall, B. Gieben (eds.). Formations of modernity. Cambridge, 1992. – P. 276–332.
132. Katz D. & Braly K.W. Racial Stereotypes in One Hundred College Students / D. Katz, K.W. Braly // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1933. – Vol. 28. – P. 288–289.
133. Lewis R. Gendering Orientalism: Race, femininity and representation. London; New York, 1996. – 267 с.
134. McGarty C., Yzerbyt V.Y., Spears R. Stereotypes as Explanations. The formation of meaningful beliefs about social groups / C. McGarty, V.Y. Yzerbyt, R. Spears. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 230 p.
135. Mim Kemal Küresel Toplum, Ankara: ASAM, 2001. – P. 95.
136. Pickering M. Stereotyping: the politics of representation. N.Y., 2001.
137. Quasthoff U.M. Ethnozentrisme Verarbeiten von Informationen: Zur Ambivalenz der Funktionen von Stereotypen in der interkulturellen Kommunikation // Wie verstehen wir Fremdes? Aspekte zur Klärung von Verstehensprozessen. München, 1989. – P. 37–62.
138. Said E. Orientalism, New York: Vintage Books, 2003. – С. 5, 40, 87, 121
139. Said E. W. Orientalism. N.Y., 1978.
140. Scollon R., Scollon S.W. Op. cit. P. 169.
141. Soldatova G.U. Psychology of ethnic tensions. Moscow, 1998. P. 337–340.

Сагитова Виктория Равильевна – канд. психол. наук, доцент кафедры регионоведения и евразийских исследований, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Россия, Казань.
